

На ближней окраине этого села Михаил Вешкин всегда путался, гадая, как короче выйти к центру, где скучились магазины, школа и контора. Шагая по крайней улице, попадаешь к водонапорной башне; двинешь по второй, параллельной улице – опять выходишь к той же водокачке. А всё потому, что эти улицы напоминают букву Y и в конце концов сходятся в одну. Какой-то горе-архитектор разметил так на первоначальном плане, не подумав о будущем неудобстве. Особенно жалко теперь тех, кто живёт возле слияния этих до сих пор не заасфальтированных дорог: двор напоминает почти треугольник, с двух сторон целый день гудят машины. Вешкин бы на его месте испытывал постоянный дискомфорт, хуже только треугольные квартиры, которые как-то показали в одной телепередаче. Человек изначально привык к четырём углам, а здесь, в торцевых квартирах экспериментального дома, их всего три: прямой и два острых. Даже мебель толком не расставишь.

И вот с некоторых пор на самом клину развилки появилась крохотная круглая оградка, в центре которой высился крупный булыжник, выкрашенный известью. Страшное место, напоминающее о том, что здесь трагически оборвалась чья-то жизнь. Подобные траурные меты с крестами и венками встречаются порой вдоль загородных трасс. Но чтобы в населённом пункте такое соорудить – это было внове для здешних сельчан. Многие недоумевали и шушукались в адрес Ивушкиных, решивших так пометить своё горе. Люди не понимали: зачем лишний раз множить скорбь и будоражить душу постоянным напоминанием о роковой случайности?..

Село Загородное, до которого из райцентра всего полчаса ходьбы, Вешкин облюбовал несколько лет назад. Сюда он навещался несколько раз в году: в школу на первое сентября и последний звонок, в клуб на новогодние утренники, в детсад по договорённости. Сей клондайк он открыл совершенно случайно. Уложишь в наплеч-

ную сумку фотопринадлежности – и вот тебе верный заработок. Его старательность и исполнительность сельчане по достоинству оценили: сами стали звать на свадьбы, на проводы в армию.

Поначалу Михаил ходил подрабатывать в свою школу, где когда-то учился. Хоть там всегда крутился фотограф быткомбината, но ведь везде не успеешь, будь хоть трижды пострел. Особенно на последнем звонке, когда все классы хотят сниматься вместе, а потом кто-то с друзьями и родителями. Правда, вскорости здесь выявился один существенно портящий нервы нюанс: слишком много знакомых, которые полагают, что их должны фотографировать «по дружбе». И таких беззастенчивых набирался легион, все фальшиво подмигивали: мол, и мы тебе готовы оказать в будущем ответную услугу. Главное – туманно пообещать...

Особенно рьяно пользовались Мишкиной сговорчивостью владельцы милицейских погон. Попробуй возьми с таких хоть монетку. В последний раз Вешкину натурально пришлось прибегнуть к «военной хитрости». Едва он приблизился к толпе на торжественной линейке возле родных пенатов, его обрадованно окликнул востроглазый оперативник из уголовки, указав на свою толпящуюся родню. «Да это же потянет на полплёнки», – захолодел сердцем Вешкин. Вот попался на глаза! От такого шустряка так просто не отвертишься. Никому не объяснишь, что в таких условиях просто теряется весь смысл подработок. Попробовали бы сами целый день просидеть почти в полной темноте, вдыхая ядовитые испарения из ванночек. Или неделю пооколачиваться в Москве, сторожа, когда в «Зенит» поступят нужные наборы проявителей с фотобумагой.

Пока оперативник скликал родню, Мишка не придумал ничего умнее, как бочком-бочком углубиться в толпу, чтобы незаметно юркнуть в боковую калитку. Потом наискосок пересечь двор больничного городка и нырнуть в пробоину кирпичного забора. И вот ты вне досягаемости рыщущих глаз.

Можно было податься в восьмилетнюю школу, но и там в толпе окажется не меньше подобных хватов, лишённых чувства меры. Тут и вспомнилась совхозная школа. Если пробежаться по трассе, можно будет успеть к самому концу линейки. Так Мишка и сделал, всё правильно рассчитав. Там он вообще оказался единственным фотографом. Едва успевал щёлкать затвором и выстраивать новые группы.

С тех пор там и пасся. Он даже перестал интересоваться своей зарплатой, которую перечисляли на сберкнижку. В иной особо кормный месяц его сторонние заработки втрое превышали зарплату. Он отнюдь не был стойким сторонником «золотого тельца». С лёгкими деньгами расставался с той же лёгкостью. Он их тратил не на вояжи по югам и тем более не на выпивку. Возьмёт и выпишет массу журналов, закажет в столичной студии звукозаписи груду лент с новинками. Вместо устаревшего монофонического купит стереомагнитофон. Купит по газетному объявлению целое собрание сочинений любимого автора. Выискивал в других городах раритеты на «чёрных рынках» ценой в ползарплаты за одну фирменную грампластинку. На недоумённые взгляды знакомых беззаботно отвечал: «Мой осёл – куда хочу, туда и еду!..».

Когда он, рассортировав фотографии очередной съёмки, с переполненной наплечной сумкой отправлялся в Загородное, возникали определённые трудности – разыскать заказчиков. Никого здесь не знает, приходится обращаться ко всем встречным и поперечным. Иногда выручала местная пацанва, бегавшая по селу гурьбой. Раздаст каждому по жвачке – они некоторое время выводят на нужные адреса. Но через час-другой им надоедает слоняться по селу, и, пока фотограф в очередном доме достаёт из сумки снимки, детвора скрывается в неизвестном направлении.

В конце концов Вешкин вышел на семью Ивушкиных, и его тягостная проблема благополучно разрешилась. Супружеская чета, возрастом чуть старше его, оказалась просто находкой. Жена Валентина работала секретарём-машинисткой в конторе, муж Олег был мотористом машинного двора. Оба приветливые при любой погоде, без камня за пазухой. Их дом был сбоку от той дорожной развилки. Когда он туда впервые зашёл и обмолвился, что каждый раз приходится столько времени тратить на расспросы у всех прохожих, хозяйка, загорелая, без малейшего макияжа, с русой домостроевской косой, тут же указала глазами на такую же миловидную и статную дочку лет двенадцати:

– А вот Алёна вас может поводить, всё равно сейчас каникулы. Вы всегда сначала к нам заходите. А остатки фотографий я могу распространить в конторе. Туда все наведываются.

Мишка даже не рассчитывал на такое участие совершенно посторонних людей. Отдал Ивушкиным их фотографии, пообещав всег-

да фотографировать бесплатно сколько заблагорассудится, даже всем портреты сделает. За компанию пошёл и младший братик Алёны. Втроём стали разносить снимки, составив предварительный маршрут – сначала к самым ближним.

Если чей-то дом оказывался на замке, Алёна не хитрила и не спешила сбрасывать с плеч лишнюю заботу, а тут же подвижнически спохватывалась:

– Я знаю, где они могут быть – у своих родственников возле инкубатора...

А до инкубатора топать и топать.

Через несколько часов блужданий возвращались к дому Ивушкиных, чтобы оставить снимки тех, кого не успели разыскать или у кого не оказалось денег. Рассматривая остатки, Валентина и тут входила в его положение. Она не могла удержаться от разоблачительных комментариев:

– Вот с этими гавриками трудно разговаривать: очень не любят раскошелиться, хотя постоянно снимаются. Эти тоже будут морочить голову год и два, уже их все знают...

– Если бы ещё кто-то потихоньку подсказывал мне на линейке, с кем лучше не иметь дела, – пошутил Вешкин.

Валентина выразительно посмотрела на дочь и ответила за неё:

– И это разрешимо...

С тех пор Алёна, как тайная сообщница, на очередном школьном торжестве незаметно подавала Мишке знаки, и он некоторым ненадёжным товарищам находил способ отказывать, чаще всего ссылаясь на нехватку плёнки.

Три года Алёна была добровольной помощницей Мишки, терпеливо сопровождая его по селу. В пятнадцать лет она уже выглядела вполне созревшей. Но её красота не казалась броской, вычурной, потому что девушка не придавала этому никакого значения. Она никогда не жеманничала, как многие сверстницы, поэтому её лицо не было кукольным. Чувствовалось, что в доме Ивушкиных царила бесхитростная атмосфера, потому и дети гармонично развиты – без всяких бзиков, фанаберий и фобий. И самое главное – всегда готовы прийти на помощь. Это дорогого стоит.

Последний раз Алёна отправилась с ним по селу без брата. Немногословная, она изъяснялась только по делу, стараясь по

возможности быстрее выполнить свою миссию. Однако они всё равно припозднились. Уже вечерело, когда добрались до крайних домов, стоявших у Ишима близ вымерзшего совхозного сада. Михаил заметил, что девушка уже изрядно натрудила ноги, выглядела замотанной. Явно устала сегодня, потому что он стремился распространить всё без остатка. И действительно, осталось всего полдюжины клиентов.

Он всё-таки попросил:

– Давай ещё напоследок дойдём вот до этих...

Алёна на минутку задумалась над снимками, но всё равно согласнo кивнула головой. Он ещё отметил про себя: «Вот повезёт кому-то с невестой!..». И горько пожалел, что в его безмятежные годы на его пути так и не встретилась такая редкая девушка. А ему сейчас уже тридцать пять, скоро путь «под горку». Клеймо алиментщика. Он лишь ловил себя на мысли, что всё больше привязывается к своей юной спутнице, такой предупредительной, простой и ...ненаглядной. А как поэтично звучит: Алёна Ивушкина!..

К оставшимся клиентам Вешкин решил заглянуть на обратном пути. Напоследок Алёна посмотрела на него как-то по-взрослому и предупредила:

– Вот эти, Рогожевы, живут в двухэтажке у магазина. Там есть кусачая собака. Подкрадывается исподтишка и цапает прохожих за ноги. Ничего не могут с ней поделаться...

Мишка поблагодарил помощницу, хотя не особенно насторожился. Возле двухэтажки он действительно заметил, что с пустыря в его сторону исподволь подбирается какая-то не слишком рослая дворняжка с не очень дружелюбным поглядом. Для острастки он шуганул её и отвернулся, подумав, что собака не решится на агрессию. Но едва он открыл дощатую дверь подъезда, как почувствовал, что кто-то остервенело рванул его за правую икру. Коварная дворняга с силой тянула его за ногу. Она мотала башкой, словно силясь вырвать целый кусище мяса. Если бы не спасительные джинсы, ему бы не избежать увечья – сухожилия бы наверняка были порваны. Михаил снова замахнулся на псину, отыскивая на глинистом дворе что-нибудь поувесистей – огреть зверюгу. Наконец та разжала челюсти и недовольно отскочила в сторону. Он с трудом поднялся на второй этаж. Повреждённая нога беспрерывно ныла.

...Еле кондыбал домой по трассе, аж самому неловко было перед встречными. Когда снял джинсы, увидел огромный синяк на месте укуса и две глубокие дыры от клыков. В больницу обращаться не стал. Ежедневно промывал рану марганцовкой.

Едва под осень зажила нога, к его дому подъехала совхозная легковушка. Два плотных сельчанина в двух словах объяснили, что надо срочно съездить в Загородное на похороны. И больше ни единого слова. Он вспомнил, что намеренно ходили разговоры о пьяном городском лихаче, сбившем на своём ЗИЛе кого-то на той развилке.

Угрюмость мужиков показалась какой-то особенно угнетающей. Вешкину было не впервой выезжать на похороны (его, единственного в городе, допускали даже на мусульманское кладбище). Самый тяжёлый момент – когда забивают крышку гроба. Зловещий стук молотков поднимает ширящуюся волну душераздирающих причитаний. В первый раз Михаилу хотелось в этот момент зажать уши и бежать с кладбища куда глаза глядят. Потом стала срабатывать какая-то внутренняя защита, притуплявшая сознание, – иначе можно надсадить сердце. Он старался возвращаться домой пешком по трассе или напрямую через военный городок, который виднелся за пересохшим притоком Ишима. Иной раз его кто-то догонял среди бесчисленных могильных оградок: «Вас подвезти?..». Он отрицательно мотал головой: надо развеять тяжёлые думы, которые неизбежно наваливаются на тебя в таких случаях. Бренность земного существования становится непереносимо очевидной.

Мужики в легковушке даже между собой не разговаривали. Мишке было неловко спрашивать, кого же хоронят. Он уже знал многие фамилии загородненцев. Особо настораживало то, что происшествие случилось на знакомой дорожной развилке.

«Рядом дом Ивушкиных, – гадал Вешкин. – Фамилия того шофёра какая-то знакомая – Захаркин. У них в районо работает кассиром молодка с такой фамилией – тридцать с небольшим, двое деток. Это, наверное, и есть её благоверный. Теперь начнётся: допросы, суды. Если не умудрится выкрутиться этот шоферюга. Нет, он был подшофе – не пройдёт. Не поверят, что кто-то сам прыгнул под колёса. Кого же он сбил? Только бы не она!..».

Мишка осаживал вездесущую интуицию, которая редко обманывала его. А она, как всегда, навевала что-то тревожное. Сейчас

перед глазами так и стояло Алёнкино личико. Зачёсанные назад волосы, кинематографически безупречный пробор. Оформившаяся фигурка. Боже мой, до чего ладная дивчина, не оторвать глаз! Хоть бы не она, хоть бы не она!..

Он всю дорогу молил бесплотные небеса, множа своё заклинание. Но уже на подъезде к развилке заметил толпу у дома Ивушкиных. Сердце исчезло, растворилось, он никого не слышал, а всё делал автоматически, как запрограммированный робот. Вышел из машины, все смотрят на него: фотограф приехал. Вынул из сумки «Минолту», раскрыл чехол, снял крышку с объектива. В знакомых дверях веранды началось брожение, вот показался плывущий по воздуху красный гроб... Его вынесли во двор... Наряженная невестой девушка... Словно живая, ни царапинки... Она!..

Мишка словно тоже на время умер, не в силах осознать такого бессмысленного удара судьбы. Самая лучшая... самая-самая... может быть, ещё не целованная...

Всё остальное было как в летаргическом сне. Кладбище, жуткий стук молотка, всплеск безутешных стенаний...

* * *

Когда при Ельцине начались повальные сокращения, Вешкин нисколько не паниковал, как многие вокруг. Спокойно ждал, когда эта поднятая волна докатится и до него. Поэтому приказ о закрытии своей станции юных техников воспринял без особых эмоций. Если бы в этот момент он с кем-то поделился, что даже чуть облегчённо вздохнул, ведь больше не придётся ходить на муторные планёрки в районо, – ему бы никто не поверил. Посчитали бы, что пижонствует. Но ему действительно надоели постоянные выговоры, что всё меньше школьников посещают кружки. Неудивительно. Едва открылись первые видеосалоны, – все, в том числе и школьники, повалили туда толпами ради невиданных боевиков с единоборствами. Не будешь же неводом затаскивать подростков в поднадоевшие кружки моделирования. До кружков ли теперь, если даже закрылся огромный ремзавод с собственной кислородной станцией?..

Все привычные устои менялись на глазах. Михаил оторопело наблюдал, как бывшие рубахи-парни, внезапно выброшенные за ворота предприятий и контор, вдруг становятся потрясающе беспомощ-

ными – брюзжат на кухнях и жалуются на несправедливость. Его это совершенно не касалось. Раз отныне каждый сам за себя, – о своём «запасном аэродроме» он заранее позаботился. Он знал, что востребован и его заработки никуда не денутся, разве что ужмутся. Он может выполнить самую сложную работу. Раз принесли ему цветной листовой негатив большого формата, с которого не взялись отпечатать снимки даже в целиноградских ателье. А он сделал. А ведь начинал для себя – делал художественные снимки на местные выставки. Потом стали просить оформить стенды. А сейчас уже всем нужен.

Люди начали массово покидать райцентр. Было свыше десяти тысяч жителей, осталось менее семи. Райцентр утратил статус города, превратившись в большую деревню. Перспектив никаких. Значит, и ему придётся покинуть насиженное гнездо. Больше никакой музыки: надо откладывать на переезд. С пустым карманом ты ведь нигде не нужен.

Добрых три месяца Вешкину упорно не начисляли расчётных. Он по пути захаживал в районо, однако теперь все смотрели на него как на отрезанный ломоть – сокращённый. Мы здесь, а он где-то там, в неизвестности. На вынужденных вольных хлебах.

В «двадцать десятый» раз он заглянул в родную бухгалтерию, где за дюжиной пошарпанных казённых столов трудились не только сотрудники циферно-бланочной сферы, но и некоторые инспекторы, для которых не нашлось отдельного кабинета. С утра здесь начиналась обычная толкотня: приезжали директора и завучи сельских школ, забегали по своим надобностям городские учителя, завхозы, вожатые.

Как всегда, главбух Ираида Хасеновна по-матерински посочувствовала Мишке, что в кассе денег совсем-совсем нет, а сама при этом прятала глаза. Создавалось впечатление, что его прощальные копейки решили, что называется, «прихватизировать». Надоест бегать – сам махнёт на всё рукой. И так неплохо зарабатывает...

За угловым столом копошилась в гроссбухах расчётчица Захаркина, кардинально сменившая имидж, пока муж, «виновник ДТП на сельской развилке», катался по этапу. Из серой мышки она превратилась в крепко декольтированную особу, благо было что выставлять напоказ. Естество недвусмысленно сигнализировало.

Сбоку облокотилась на стол бывшая Мишкина одноклассница Садыкова – твердокаменная троечница, которую он до сих пор

по-свойски называл просто Аллой, без отчества. Сразу со школьной скамьи она выскочила замуж за Марата – атлетически сложенного, работающего и компанейского. Все ровесницы и недоровесницы неизменно провожали его зачарованными взглядами. Мишка летом часто встречал Марата на понтонном мосту, где тот закидывал спиннинг, не обращая внимания на купающихся. Первенец Аллы успел появиться ещё до её совершеннолетия, следом и второй не заставил себя ждать. Так бы и протекала идиллия, но после какой-то глупой уличной свары с применением второпях вырванных из забора штакетин Марата отправили на пару годков в отдалённые места. Срок отнюдь не критический, но за это время благоверная так разгулялась, что перестала соблюдать всяческую конспирацию. Вернувшись Марату было, как выражаются в среде его обитания, «стрёмно» продолжать семейную жизнь с сильно подмочившей свою репутацию благоверной.

Теперь при каждой случайной встрече с Вешкиным, одноклассником Аллы и почти её соседом, Марат, испытывая неловкость и не в силах побороть обиды за столь унижительный вираж судьбы, обязательно ронял что-то неопределённое, словно в его бедах был отчасти повинен и Михаил. Однако сие было вполне объяснимо – оскорблено самолюбие, а все мы человеки. Мишка тоже недоумевал: чего Алке не хватало? Атлет, в сборной района по футболу, далеко не Квазимодо, любовь-морковь – ходили всюду в обнимку.

Что мог ответить Мишка этому осколку семьи? Не таясь, он лишь осмелился на лёгкое подобие опровержения: «Я в этом не участвовал». И тут же ответно прочитал в глазах страдальца что-то уважительное и даже благодарное...

С возрастом Алла обабилась, от былой смазливости не осталось и слабого намёка. Возраст – штука порой довольно жестокая. Троечнице с горем пополам удалось окончить местное педучилище. Работая воспитателем в детсаду, она продолжала вести вольную жизнь: видно, прочно вошла во вкус. Да и в «перестройку» на многое стали смотреть сквозь пальцы. Западная толерантность таким раскрепощённым особам упала прямо в руки запретным плодом. Можно было смело возглашать: личная жизнь – личная блажь каждого.

С некоторых пор Садыкова притёрлась в районо, куда Вешкин, будучи директором станции юных техников, каждый понедельник

ходил на изматывающие планёрки. Аллу назначили инспектором по садикам и даже выбрали в комиссию, которая занималась спорными вопросами, возникавшими при разводе родителей: дать разрешение на замену детям имени-отчества, поставить вопрос о лишении родительских прав и тому подобное. Мишка воспринимал это как слишком остроумную насмешку над здравым смыслом: сама одноклассница лишь по счастливому стечению обстоятельств избежала участи быть лишённой этих самых материнских прав, ведь заботу о своих детях она возложила на плечи бабушки.

Видно было без особого прищуря, что теперь Алла взялась наставлять на путь истинный Захаркину. Ещё чуть-чуть – и они скооперируются. Завертятся калейдоскопом вечеринки, где подбор партнёров на час отдан на откуп методу случайных чисел в тотализаторе. До Михаила долетали отдельные фразы, словно почерпнутые из полуоблатной среды:

– Спокуха! Много за такое не дают. Под колесом – это не считается убийством. Нечего самим лезть!..

Это она явно про Алёну Ивушкину. Девочка действительно попыталась перебежать дорогу перед летевшим во весь опор самосвалом и немного не рассчитала.

– А эти ещё и камень зачем-то белый поставили у развилки. Представь: выходишь за калитку – и он прямо перед глазами. И так каждый день...

Расчётчица согласно поддакивала, страшась предстоящего суда и разбитой жизни, а сама скашивала машинально глаза на свой выдающийся бюст. Озабоченность собственными интересами, поиск извилистых путей, чтобы ускользнуть от ответственности, и – ни малейшего сострадания к чужому горю. А ведь больше не будет ходить по земле пятнадцатилетняя девчонка, самая-самая... Вспомнилось её усталое личико в то последнее затяжное блуждание по совхозу. Эх, не догадался тогда купить Алёне хотя бы шоколадку!..

Мишка уже не мог сдерживать себя. Вплотную подошёл к столу:

– Вы видели эту девочку?..

Обе женские головы опасливо пригнулись к столу, на него даже не решались взглянуть, настолько неожиданным оказался его выпад. Бывшие сотрудицы явно боялись скандала.

Всё, больше здесь нечего делать! Вешкин резко развернулся и направился к выходу. Не стоит сюда ходить и униженно выклянчивать свой вшивый расчёт. Пусть подавятся!..

* * *

...Уже несколько лет он работал фотографом в солидной рекламной фирме в сибирском мегаполисе. Пользовался, разумеется, цифровым фотоаппаратом. Новой семьёй так и не обзавёлся, хоть и перешагнул уже «сороковник».. И всё чаще и чаще задумывался: а если бы Алёна не погибла, – сколько лет ей было бы сейчас?..

